

БИС

(БАШМАЧНИК И СТРЕКОЗА)

«Нет места пророку
в своем отечестве»

Из библии

I

1.

Родина давит на плечи

Все дальше, дальше.

Глубже.

Бежевые деревья, кривые улочки, срезанные
путем головы – откусанные ложбиной.

Мечта моя корчится в сетке железных дорог, кутается все в новые и новые
развлечения

Сегодня вечером покатались глаза по небу – в млечный путь

2. Осень. Слепые матовые дни потянувшейся полногрудности.

Тяжесть воздушных дворцов. Провисшие через окно малиновые соски...

Деревянный стрекот дворов. –

Промерзшие утра плывут из будущего.

Лесные люди...

Башмачник и стрекоза сидят взаперти. Цедят горячее молоко из стаканов.

Вешают виски на линии сердца. Доят разбуженную юдо-маму...

...Отражаются в стеклянном корсете, пляшут языками забытые и
немотствующие *воспоминания* других жизней. – Два пиноккио прячутся в
собственном огне.....

3.

Вкусный пейзаж:

Облака – дымящееся грудное жабо; соленые от бриза холмы под масляным
небом сдабривают заброшенный за плечи город...

Ешь эти степные камни, этот бутерброд по имени Киммерия, запивай
морем.., и ты спасешься от цивилизации... Мой Башмачник!..

4.

Мой вертолет с бумажными крыльями и мягкой лестницей в рай! – Родного
города велеречивая плоть в часы досуга становится мерзкой, –

О ток случайных прикосновений! —

Она бьет по лицу: по губам. По глазам!

И лишь пророк прорастает из жертвы инцеста.

5. Розовые облака

Родина оказалась мачехой

Сожженная юность смотрится с высоты, плывет на льдине:

Любили эксцентричных экспрессионистов в сумасшедшем доме –
до виска у дула!

Розовые облака.

Вспыхивающий Ван Гог глядится в омут иллюзии, – в глазах – пепельный
блеск

6.

Это обмен обманами: дверцами, прутьями клеток, взбитыми шляпами,
воздушными стенами, проклятьями, замками, магазинами, Парками,
машинами, красотами, пользами, музыкой, пошлостью, идеями и вещами,
вещими идеями и глухими вещами ...

...Обмен свободами. Круговорот счастья в жизни!

7.

Мир – рынок! Счастье – товар! Улитка и стрекоза ткут гобелен, который
везде

...Так и влюбленные исчезают, сливаясь друг с другом

8.

Музыка кораблей и портовых кранов. –

Скрипы кроватей морских железных кузнечиков – ночная жизнь порта:
подобно рыбак, раскрывая глаза, превращается в рыбу, и ловит себя на
падении в сон...

...Увяз в объятьях волн скрипичных – (до)дышать... морской конек берущей
под уздцы кровати, смеется на скаку: конь возвращается в крючок... сидит
отлично железная душа кузнечика!

Этот пьяный корабль – колыбель-гроб из которого рассаживает свои цветы
поэт, уплывающий в Индию*

(По пробуждению, здесь же)

9.

Шикарный край для ловцов вдохновения: она лежит у моря, раздвинув
забегаловки перед пляжем и выставив все прелести курорта: любимое место
– ежегодная смена белья, косметики, игры – такой маленький городок, –
гости опять его до осени довели... и бросили...

Шик.

Плачет художественно панель

10.

Безвестный башмачник мастерит туфельку стрекозе:

«Счастье! – Люди опасны тем, что его не за-ме-ча-ют...»

* Ш. Бодлер

II

11.

В пляс, веселый скелет, залеченный пиявками! Прочь из деревни вампиров!
Беззвучны деревья и солнечны витражи дорог. – Блестящая обертка
огненного пира – Весной они звенели бы колокольчиками...

Будем изображать пантомиму глухонемых у костров, лунноглазые выродки!
Будем танцевать канкан на чумном столе!

...Базар за углом – Амазонка с пираньей! – Выносит зацелованного и
обглоданного быка на порох всеобщего обозрения

12.

Хрустит очарованный такой жизнью абориген заломленными пальцами. –
Играет в рок.

Нет, это не родина застыла над крыльями-невидимками! Каменное
проклятье!!! Хруст...

... И он выпадает в истерию и стихийную импровизацию...

13.

...И в другом государстве пожатие командира, электро-корчи! Святой
ересиарх вымывается языками...

...И на том свете!..

14.

Коса, переливающаяся вечером в цветные огни. –

Камни Генуи – недооцененный древний пригород – Ее драгоценное острие на
Западе. Каменные ложе на мысе, – лоджии, маяк –

На самом краю... Дачи без окон без дверей на горе, кишачие садовыми
ворами, лес, кустарники с чертовой ягодой... – Все пропитано береговой
охраной и пахнет внезапным вторжением.

Таков амфитеатр, ломающий комедию перед кордебалетом.

Счастливые волны внизу, – что им еще остается, делать?! –

И они рукоплещут!..

15.

Бедная душа, – ты исстрадалась, но разве в другой одежде тебе будет
теплей?..

...Напрасно ты кутаешься в города толпы и сновидения . –

Боль – это твой корм на ладони кормчего

16.

Стрекоза путешествует все ярче. Значит, и тело скоро забьется под новые ставни.

Она – любовь и дорогое Воскресение.

Он – война.

Мир над Витебском – милая сердцу хищница – Париж, и молодой Марк* шагал совсем рядом...

17.

Теплое море и ясные дни царят здесь до слез, поднимающихся в серебристых нимбах над линией желтого четвертования, над его золотой серединой

18.

Дождь – Проводник в мир *бессмертных* и Альфа трезвого Кроноса.

19.

В подсвеченных полднем батисферах румяная нимфа поднимает к престолу огромные яблоки. –

В ы с о т а

Страдания и улыбка, орошенные потом бессмертия. –

Т р у д

Теленок в овраге припадает к вымени, времени –

О б л а к а

**Немецкий художник-экспрессионист убитый на фронте в первую мировую.*

Ш

20.

Век биомеханических протезов и сарматская девушка двухтысячелетнего возраста, ограбленная археологами. – *Управляемая силой мысли рука из электродов и нервов*, и золотые украшения, шкатулка с древней косметикой и зеркало – из могилы.

(Каково было тебе, царевна, увидеть долгожданный рай, когда эти козлы с молоточками рассыпали прах)

21.

По возвращении блудного гения метафизических бдений, признанного деревьями и воздушными сферами, домашние плюют в его широкий лоб. И открывают другой свет.

(о мусорное ведро)

Способность объять горизонт и свести к трудовому дню для серафической вертикали оказалась роковой. –

В пол лестница ангельских устремлений...

В зонт.

22.

Снят как могут

...Когда-то он разыгрывался до музыки: чувствовал прикосновения ее воздушных губ и рук

...Однажды ночью, у костра, утомленный, затихший и пустой, он останавливается перед близоруким ангелом, что бы снять башмаки...

В некотором кино если герой в белом, то его скоро убьют.

Когда ангел улетел, муза обрела плоть.

23.

Ночь. – Какой древний сон прищурила кошка?

Драгоценный тоннель?

Желтый клад вознесенной матери, почившей и святой?!

24.

Черная процессия.

Траурные деревья.

Мокрые тени, обрамленные шепотом.

Морская ведьма с расплетенными косами отражает в небе гроб со спящей красавицей и закрывает глаза.

Башмаки по воде

25.

Утро – белое, словно кожа старухи Ундины, выброшенной на отмель воспоминаний, на пьедестал ностальгий...

...Зацепи отточенным молоком зрачком, когтем расцарапанной души и – расцветет желтая роза

26.

Запесоченным взглядом срывается с петель мираж, открывая родник материнской боли:

Соленый ручей

27.

Море – любимое, но родное – ты разворачиваешься в стрекозу

Нет разницы, от кого получать душевные раны, этот бальзам для Пустоты

Вот я и совсем разулся перед Твоей лестницей, Половина

28.

Белый гобелен – саван и подвенечный наряд. Спи, память ...
Выйти из кукольных пеленок и поплыть по воздуху, чтобы научиться ходить...
Вышли из кукольных пеленок, – научиться по небу ходить!
Спи, память. – Убьешь меня сыном...
Вы шли

20 октября 2003 г.

БЕГУЩАЯ

I. Причал

Темнеет. Корабль на рейде вспыхивает огнями. Как будто тролли разбили зеркало и перед глазами метелит солнечный день, воздушная девушка, причал из дерева...Опять начинается. Верно мать – снежная госпожа – родила меня в городе пьяного скрипача следить за смычком...

...Волны резиновых колбас, развешанных на цепях вдоль бетонной пристани. Соленый их ветер... Гирлянды огней разноцветными дорожками прорезают мрак... и опять: жаркий день, поручни под изящной рукой аристократки, ступающей по горячим доскам, чемоданы в руках носильщика
Лисс? Лисс!

И загадочная галлюцинация встречающая у старенькой кассы прогулочных катеров в аллее акаций. Закрытая касса среди голых морщинистых деревьев. Железный призрак на хлещущих синь ветрах. Бред укаченного ребенка. Я – рисующий билеты в парусный рай..

Лисс? Лисс.

И истукан в черном занавесе замечающий памятник.

...Здесь деревянный причал, парусные лодки, корабли.

Худые ныряльщики вниз летят головой, сверкая бронзовыми ребрами...

Ожидание... Силуэт флера.

...Встречающие глаза-колодцы *зачарованного* пляшущим на проволоке-горизонте *карнавалом, замороженного* огненной музыкой, не взрослеющего *дитя!*

Чайки выклевывали его глаза. Прохожие вымочили слюной спину. Брызги пляски точат одеревенелый на ветру лик.

...Подойдите сюда деревья! Что осталось человеческого у писаря последнего царства. –

Корабль, готовящийся на воду!..

Алые страницы. Город заражен и очищен...

Но все это там, где была музыка от бегущих по волне ножек...

...Вне нет ничего, кроме этого сумеречного тоннеля из дежурящих стекленеющих от соли детств! Море выело точку. Тоска

Колдунья из кристаллических решеток, – наблюдающий за тобой бежит на корабле каждый раз и каждый раз – кровь на простынях!.. Но не кончаются двери кают. Безмерное милосердие: У границы карнавал сильнее; у агонии ярче краски иллюминации, звонче снасти инструментовки. – Голодный поэт наиболее приближен к матке, взбешенная мать к громовержцу; обессиленный художник к безумному джокеру, изнемогшая модель – к Природе...
...Фея-водомерка, – дети замирают у неслышной воды и естественно играют с грациями!.. Они ступают за тобой и превращаются в маяки, загорающиеся после, на рождественской елке... – не знаю, –
Только один *сигнальщик* застыл на краю набережной, только одна девушка танцует на его мерцающих глазах.

19.12.03

II. Таверна

Бег опрокидывал назад устремления говорящих за правым столиком. Мысли словно нейтринно пронизывали стены: его корабли, страны путешествия, приключения – все на улице. А он – здесь, за стойкой, выдыхает из золотистой сигары фантастические паруса и работает...
Вот вино из винограда сплетенного в беседку прошедшего три войны деда – изабелла – царство ему небесное...

Приоткрывается дверь, входит *дама под зыбкой вуалью*. Пробираясь среди плетенных стульев, тяжелых столов, облаков, лестниц, мачт, якорей, влажных взглядов, растекшихся по жилам разговоров она замечает меня:
– Зачем ты здесь?
– Чтобы увидеть Вас...
– Посмотри, эти руки, в них нет ни швеи, ни ткачихи, ни домработницы, ни кого-либо еще! Посмотри в эти глаза!..

Песок. Пение. «Отвори вены мне любимый, – все: и сине-зеленые синусоиды и времени гибель и облаков пена – все только ждет нашей вспышки на дне океана...»

Зазеркальные стоны, объятья. Кидаем соленые звезды на белое платье ночи.
– Смешной ты, ведь этот морской Пегас – старая кляча Его извозчика, который в трактире Гель-Гью пьет сейчас нас.

III. Дом

Вот теперь, когда шершаво-ладонная действительность держит за горло, теперь только и надо петь. Но большинство пасует перед смертью и уходит с тернистой дороги.

Да, я дошел до большой ручки. Добрался чудом. И что же видно...
Виден дом, где ты прядешь нить совсем плотными руками.
За углом старая монашка с мушкетом. Я прохожу к двери, открываю ее. – Ты
воплощаешься до конца, поднимаешься, обрывая пряжу, идешь к выходу...
Старуха тут как тут: холодное дуло в спину – выстрел. Дом вверх
тормашками, ты в черном, старуха в тебе, я в доме. Но в голове гремит
выстрел и твой голос:
«Это я душила тебя.
Всю дорогу выдавливала слова.
Ты так и не смог ничего сделать.
Мой слепой.
Вот я и стала тобой.
Для тебя...»

21.12.03